

1	2	3
Техника	Инженерия	Социогуманитарные технологии
Теория, доказательность	Гипотеза, вероятность	Проблема, вариативность
Кумулятивность знания	Эпистемологические разрывы знания	Конкуренция научных программ
Дисциплинарная организация	+Междисциплинарность	Трансдисциплинарная подходность
Внутренние законы развития знаний систем	Противостояние интернализма и экстернализма	Конструктивистская установка с ограничениями по человеко-размерности и «материалу»
Демаркация границ	Стыки границ, выход за границы	Условность, полагаемость границ
Аксеологическая нейтральность	Отнесение к ценности, но свобода от оценочных суждений	Ангажированность
Образец – физика	Образец – биология	Образец – культурология
Потенциальный заказ на научное знание	Заказ на «приложение» научного знания	Самозаказ на развитие, основанный на предложении «приложения» научного знания

Литература

- Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Медиум, 1995.
- Вебер, М.* Избранные произведения / М. Вебер. — М.: Прогресс, 1990.
- Дюркгейм, Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм. — М.: Канон, 1995.
- Зиммель, Г.* Как возможно общество? / Г. Зиммель // Социолог. журн. — 1994. — № 2. — С. 102—114.
- Зиммель, Г.* Общение. Пример чистой, или формальной социологии / Г. Зиммель // Социолог. исслед. — 1984. — № 2. — С. 170—178.
- Конт, О.* Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / О. Конт. — Ростов н/Д.: Феникс, 2003.
- Манхейм, К.* Идеология и утопия / К. Манхейм. — М.: ИНИОН, 1992.
- Маркс, К.* Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения: в 3 т. — М.: Политиздат, 1983.
- Петров, М.К.* Язык, знак, культура / М. К. Петров. — М.: Наука, 1991.
- Степин, В.С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения / В.С. Степин // Постнеклассика: философия, наука, культура / В.С. Степин; отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. — СПб.: Мирь, 2009. — С. 249—295.
- Степин, В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция / В.С. Степин. — М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Статья поступила
в редакцию 03.09. 2012 г.

С.П. РОМАНОВА

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ СОЦИОЛОГИИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Все научные дисциплины имеют свою историю. Знание этой истории в конкретной стране или регионе не только интересно само по себе, но и служит контекстом для осмысления современного состояния науки, логики и перспектив ее развития. Британская социология крайне редко восприни-

Светлана Павловна РОМАНОВА, кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии Белорусского государственного экономического университета.

мается исследователями-иностранцами целостно как национальная школа, традиция или сколько-нибудь значимое направление по крайней мере на определенном этапе исторического развития мировой социологии. Более того, среди самих британцев чаще всего можно встретить суждения об исторической несостоятельности социологии в структуре британской академической науки и соответственно о практически полном отсутствии представителей Британии в ряду влиятельных классиков и современников социологии. Как могло оказаться так, что страна, которая породила Адама Смита и Герберта Спенсера в XIX в., чьи идеи очень быстро распространились по всему цивилизованному миру уже при их жизни, институционализацию социологии смогла увидеть намного позже того, как их идеи были восприняты и преобразованы в университетские предметы в других странах.

Подобного рода рассуждения активно продвигались многими историками социологии в Великобритании, в их числе два авторитетнейших — Филип Абрамс и Перри Андерсон, которые в середине XX в. одними из первых предприняли попытку структурно оформить дискуссии относительно исторических и концептуальных основ британской социологии. То, что их работы были опубликованы в 1968 г., более чем символично. Именно в тот период в Британии наблюдался рост числа сторонников развития национальной школы социологии, протестовавших против засилья иностранных моделей и концепций и одновременно признававших отсталость, тривиальность и несущественность отечественных разработок в области теоретической и эмпирической социологии.

Абрамсом в работе «Истоки британской социологии» [1] было представлено, на наш взгляд, одно из наилучших исследований британской социологии периода с 1834 г. до Первой мировой войны. По мнению этого автора, вплоть до 1903 г. в британской социологии наблюдался своего рода «социологический провал». Он проявился в том, что социология не достигла результата в институционализации себя ни как науки, ни как области эмпирических исследований. При этом не было ни одной серьезной организации, которая задекларировала бы свой статус как социологический. Кроме того, к этому моменту ни один британский университет не рассматривая социологию как учебную дисциплину. Несостоятельность социологии проявилась и в том, что в классический период становления социологии, по мнению самих же британцев, не наблюдалось поддержки и популяризации идей каких-либо авторитетных отечественных ученых-социологов (представителей национальной школы) уровня, например, француза Эмиля Дюркгейма или немца Макса Вебера. Социология и исследователи, интересовавшиеся этой молодой наукой, находились на периферии сферы науки. В первой половине XX в. произошло несколько знаковых событий, которые запустили механизм развития британской социологии. Таким ключевым моментом Абрамс считает создание в 1903 г. благодаря энтузиазму группы историков, философов, биологов, журналистов, политиков, градостроителей, географов и бизнесменов, Социологического общества в Лондоне, ставшего первой национальной социологической ассоциацией в Европе.

Андерсон в своей статье «Компоненты национальной культуры» [2, 1—57] объяснил сложности становления социологии в Британии с другой точки зрения, не принимая утверждения того, что его страна в XIX — начале XX в. находилась в социальном (или интеллектуальном) застое, одним из свидетельств которого могло бы быть отсутствие или явная неразвитость социологии. В ходе своих доказательств Андерсон сделал одно из наблюдений, которое представляется достаточно любопытным с точки зрения исторического анализа — именно социальная и политическая стабильность обозначенного периода истории Британии некоторым образом препятствовали развитию обширных социальных теорий. По сравнению с устой-

чиво развивавшимся Королевством в других странах социология активно формировалась и как теоретическое направление, и как прикладная наука, несмотря на различные социально-экономические и политические кризисы (в первую очередь это касается Франции, Германии и США). Британская реальность не требовала от социальных исследований формирования теорий социального уровня, она не испытывала острой необходимости развивать какие-либо новые социальные науки. Вместо всего этого деятельность социальных исследователей была сосредоточена на практической разработке методов совершенствования гражданского общества, лечения конкретных «социальных болезней» и исследования социального неравенства в обществе, которое можно было определить в целом как стабильное.

Разумеется, объяснительные схемы Абрамса и Андерсона не являются единственными. В течение четырех десятилетий после изложения этими авторами своих идей историки социологии пытались различным образом прокомментировать и оспорить их. Оценивая эти попытки, мы можем лучше понять британскую социологическую традицию и тех, кто ее создавал. Именно поэтому предлагаем проанализировать иные точки зрения, которые были высказаны различными исследователями относительно внутренней логики и базовых характеристик начального этапа развития социологии в Британии.

Первым дополнением к идеям Абрамса и Андерсона может служить анализ организационной структуры британского общества, уже в середине XIX в. включившей большое количество учреждений, органов и ведомств, проводивших огромную работу по сбору и анализу социальной информации. Среди них стоит упомянуть лондонское, бристольтское и манчестерское статистические общества, Национальную ассоциацию по продвижению социальных наук, Социологическое общество (1903), Фабианское общество (1895), кафедру социологии в Лондонской школе экономики (1907), отделения социальной науки и социального администрирования в Лондонской школе экономики (1912) и университете Ливерпуля (1909), издательство журнала «Социологическое обозрение» (1912), Дом Ле Пля в Вестминстере как центр для социологической работы (1920), который в сотрудничестве с Социологическим обществом развился в Институт социологии (1930), многочисленные добровольные организации, политические группы и научные сообщества, которые довольно активно обсуждали и изучали различные социальные вопросы.

Одно из принципиальных отличий от логики развития, например, французской, американской или немецкой социологии, состояло в том, что британская традиция социальных исследований базировалась (и это было ее отличительной особенностью) на использовании и теоретиками, и практиками, чаще всего не являвшимися и не считавшими себя социологами, социального знания прежде всего в целях реформирования общества. В действительности все те организации, которые были упомянуты, занимались концептуальной разработкой и практической реализацией исследовательских проектов, направленных на изучение социальных процессов и явлений, особенно активно стремясь при этом к тесному взаимодействию с «большой» журналистикой, гражданской службой, парламентом, кабинетом министров Британии, формируя тем самым национальную модель интеграции социальной мысли со средствами социального действия. Несомненно, все те организации, которые фактически закладывали основы и теоретической, и прикладной социологии, сегодня служат косвенным, а в ряде случаев и прямым свидетельством того, чего достигла британская социология к началу XX в. в плане концептуальных и эмпирических разработок в сфере мониторинга социальных процессов и явлений.

Заслуживает внимания точка зрения, высказанная историком социологии Мартином Олброу в статье «Социология в Великобритании после

Второй мировой войны» [3, 194—219]. Он привел ряд факторов, которые, на его взгляд, непрерывно, на протяжении всего XIX в. и вплоть до середины XX в., оказывали влияние на институционализацию социологии в Британии. Прежде всего, имеет неоспоримое значение тот факт, что старые университеты Оксфорда и Кембриджа, которые находились на вершине образовательной системы Объединенного Королевства и занимали особое доминирующее положение в образовании британской элиты, долгое время оказывали активное сопротивление учреждению социологии как университетской дисциплины. Результатом стал тот факт, что вплоть до 1945 г. Лондонская школа экономики оставалась единственным в Великобритании университетом с отделением социологии.

При этом интеллектуальное пространство вокруг социальных проблем было занято рядом дисциплин, которые имели претензии на доминирование в сфере социальных исследований и исторически предшествовали социологии. Прежде всего, данная область познания вплоть до 1870-х гг. безапелляционно была занята политической экономией, которая, начиная с Адама Смита, получила всемирное признание именно благодаря своему становлению в Британии. Ход такого развития был по большей части направлен на обособление экономики и сферы исследования трудовых отношений от абстрактных и априорных суждений, опора при этом на определенные концептуальные схемы исключала возможность параллельного существования «идеологических конкурентов», в числе которых вполне могла оказаться и социология. Только вследствие серьезного экономического кризиса в середине 1870-х гг. политическая экономия в Британии стала восприниматься не как эффективная теория, а как наука, практически полностью выполнившая свою историческую миссию для общества. В последней четверти XIX в. появилось множество различных версий дискредитации политической экономии, ослабляя шаг за шагом тем самым ее монополию на научные истины в сфере обществоведения. Тем не менее только в начале XX в. ситуация с авторитетом политической экономии настолько существенно изменилась, что стало возможным поступательное оформление организационной структуры британской социологии.

Следует упомянуть также роль и значимость в исследовании социальных процессов и явлений в Британии XIX в., которыми обладала статистика. Политическая экономия дополнялась прикладной наукой, которая обеспечивала сбор, классификацию и описание количественной информации о жизни членов общества. Другими словами, ударение было сделано на разработке точных индикаторов, методов классификации и сбора стандартизированных данных, алгоритмов сопоставления отдельных массивов данных по всем тем областям реальности, игнорирование которых препятствовало решению противоречий общественной жизни. Понятие информации при этом было, по сути, сведено до сущности фактов и количественных данных, задав эмпирическую направленность традиции социальных исследований. Таким образом, статистика была институционализирована под непосредственным покровительством британской политической элиты и с активным участием ее наиболее выдающихся деятелей. Официальные статистические комитеты и общества, с одной стороны, занимались разработкой именно тех методов и видов прикладных исследований, которые используются в современной социологии (например, сплошные и выборочные опросы, кейс-стади и полевые исследования отдельных местных сообществ и др.), устанавливая новое понимание социальной информации, обеспечивая определенный порядок, обоснованность и точность данных, лежащих в основе законодательства по вопросам, касающимся сфер общественной жизни. С другой стороны, наблюдалось активное сопротивление любой интеграции статистической работы с теоретической социологией, утверждалась эффективность именно эмпиризма в исследовании и регулировании социальных процессов. Статистик, адми-

нистратор-экономист, политик-реформист и социальный философ — во второй половине XIX в. в Британии это были реально существовавшие профессиональные роли, которые поощряла система. Социолог же оставался в состоянии потенциальной роли, эта роль могла и не возникнуть, поскольку задачи, которые социолог мог бы выполнять, были практически рассредоточены среди других наук, которые были хорошо институционализированы и очень востребованы. Прекрасно по этому поводу высказался британский статистик Роусон: «Я не готов сделать статистику служанкой социальной науки, понизить в статусе родителя до позиции рубящего дрова и черпающего воду, состоящего на службе у своего собственного отпрыска; другими словами, утверждая для Статистики превосходство метода над социальной наукой, или социологией, я бы указал на то, что последняя может изучаться менее точными методами, чем первая — и только по этой причине, конечно, она была менее научной, менее подходящей в качестве базиса для управления государственными делами» [1, 28]. Как прикладной вид политической экономии статистика разделила судьбу дискредитации первой, и все чаще и громче к началу XX в. звучали высказывания о том, что статистика была просто особым методом научного исследования, специальным инструментом, которым может пользоваться широкий круг наук, начиная от физики и заканчивая социологией. Таким образом, авторитет еще одного бесспорного авторитета среди наук в Британии пошатнулся на рубеже XIX—XX вв., что, несомненно, не могло не отразиться на траектории развития социологии.

Кроме того, Олброу отмечал особый статус в системе общественных наук Британии антропологии, которая в век развития, распространения и высокой популярности эволюционистских идей сформировала довольно сильное увлечение самых различных специалистов примитивными обществами. Признание антропологии как учебной дисциплины в старых университетах также сформировало убеждение исследователей-практиков в том, что единственными социальными системами, заслуживающими научного изучения, были те, которые не имели непосредственного отношения к повседневному опыту среднестатистического гражданина Британии. Социология и здесь не могла быть воспринята в тех ролях, которые ей настоятельно рекомендовали авторитетные ученые Франции или Германии. Исследования внутри страны были менее популярны и интересны, чем поиски особых черт и характеристик в малоизученных и потому непонятных регионах мира, входивших в состав самой большой империи мира.

Логическим следствием уже описанных факторов Олброу считал то, что популяризация социологии, насколько это вообще происходило, долгое время осуществлялась за пределами академических кругов. Эта наука в Британии в основном формировалась эклектично, сочетая в себе зачастую противоречивое, слабо взаимосвязанное знание, содержание которого создавали в основном непрофессионалы. Правительственные органы и университеты были единственными источниками потенциального покровительства для молодой и слабо авторитетной науки социологии. Поскольку ни те, ни другие не обращали на социологию практически никакого внимания, новый вид деятельности был склонен институционализироваться вокруг горстки харизматичных индивидов-энтузиастов. Так, например, члены Социологического общества, созданного в 1903 г., были «три в одном»: богатые любители с успешной карьерой за пределами социологии, ученые-девианты или очень пожилые люди» [3, 103]. Они-то увлеченно и пытались развивать и распространять новую область научного знания, заражая представителей смежных наук своими идеями, поддерживая и направляя движение группы таких же энтузиастов. Другими словами, чтобы заниматься социологией в конце XIX — начале XX в. в Британии, следовало быть достаточно состоятельным для финансирования широкомасштабных исследований практически без каких-либо государственных дотаций, проявлять неординарную увлеченность социоло-

гией и быть преданным филантропом, понимающим необходимость получения и использования достоверной социальной информации как основы для политики и системы управления в обществе.

Если Абрамс использовал подобное определение применительно к представителям социологического сообщества Британии начала XX в. с явно пренебрежительным подтекстом, то другой известный во всем мире немецко-британский социолог Ральф Дарендорф в своей книге «История Лондонской школы экономики» [4] с нескрываемым восхищением указал на человека, достойного быть признанным основоположником британской социологии, говоря о том, что «не будет преувеличением, если мы скажем, что один человек, Мартин Уайт, учредил дисциплину социологию в Великобритании...» [4, 103]. Уайт выбран был Дарендорфом не столько за свои научные разработки или руководство эмпирическими проектами, сколько за банальную материальную поддержку всех тех, кто хотел заниматься социологией. В 1907 г. Уайт заложил основы изучения социологии в Британии, дав университету Лондона порядка 15 000 фунтов на создание в Лондонской школе экономики постоянной кафедры социологии, оплату лекций по социологии в этой школе, выплату именных стипендий по социологии, материальное оснащение работы кафедры, потратив дополнительно при этом немалые личные средства на учреждение Социологического общества. Подобных примеров благотворительности в истории британской социологии множество. Можно упомянуть также и Генри Хэлэма, который частным образом оплатил сплошные исследования по месту жительства, проводимые от имени Статистического общества Лондона, и Чарльза Бута, который лично профинансировал содержание всего штата служащих, необходимых для проведения массового исследования, результаты которого легли в основу серьезной научной работы «Жизнь и труд людей в Лондоне», и многих других.

Даже в таких условиях развитие автономной социальной науки было нежелательным с точки зрения государственного централизованного устройства. Когда была необходима конкретная социальная информация, ее сбор мог на непродолжительное время приобретать форму независимого исследования, но это быстро вытеснялось или подчинялось контролю со стороны различных государственных консультативных комиссий и правительственных ведомств. Поэтому теперь уже вполне понятным выглядит тот факт, что большинство исследователей XIX — начала XX в., которые сегодня упоминаются в учебниках по британской социологии как ее классики, в действительности представляли в качестве основного вида своей профессиональной деятельности отнюдь не социологические организации, а государственные органы. Например, Чарльз Бут был по совместительству служащим Статистического общества, супруги Вебб представляли Королевскую комиссию по Законам о бедных, Хьюберт Левеллин Смит и Майкл Садлер работали соответственно в Министерствах торговли и образования, Виктор Брэнфорд, основатель Дома Ле Плейя в Вестминстере и председатель Социологического общества, на самом деле был дипломированным бухгалтером и банкиром, председателем Лесной компании в Аргентине и Парагвае и директором Парагвайской центральной железной дороги. Перечень подобных примеров практически бесконечен. Также показательно, что в число первых членов Социологического общества было включено 408 человек — выдающихся общественных деятелей, политиков, священнослужителей, журналистов, писателей и ученых Британии. Британские преподаватели университетов, работавшие в области гуманитарных наук, при этом составляли незначительное меньшинство. А «чистых социологов», как бы мы их назвали сегодня, британского происхождения в составе Социологического общества и вовсе не было по банальной причине их фактического отсутствия. Профессиональное сообщество социологов было представлено фигурами всемирно известных иностранных ученых, таких как, например,

Эмиль Дюркгейм и Фердинанд Теннис. Все это, в совокупности затормозив общий темп развития новой науки, сделало более легким для британской социологии путь становления по модели множества различных школ, каждая из которых характеризовалась специфическими увлечениями, склонностями и своеобразием своих основателей.

Понимая, что у любой национальной научной школы, не смотря на все сложности ее становления, должны быть основоположники (так называемые концептуальные классики), и проанализировав ряд работ, в которых многократно упоминались конкретные имена исследователей, имевших прямое отношение к становлению социологии в Британии, мы можем предложить сводный список людей, номинированных чаще других на столь серьезные позиции. В данном перечне должны, несомненно, находиться Герберт Спенсер, Леонард Хобхауз, Фрэнсис Гальтон, Чарльз Бут, Патрик Геддес, Эдвин Чедвик, Сибом Роунтри, Беатрис Вебб, Сидней Вебб, Джеймс Милль, Джон Стюарт и др. Данный список мы считаем необходимым оставить открытым, понимая, что кто-то из выдающихся британцев мог оказаться по различным причинам за пределами нашего внимания.

Прочитанные нами работы первых британских социологов и критические исследования современных историков социологии подсказали нам две интересные идеи, которые прекрасно подходят для понимания логики развития британской социологии. Во-первых, если в этой стране, на первый взгляд, не существовало к началу XX в. науки под названием «социология» с четко определенными чертами и местом в системе высшего образования, социологические рассуждения и исследования следует искать во многих других областях национальной научной жизни — экономике, статистике, медицине, юридических науках, философии, этике и т.д. Во-вторых, в период формирования социологии в Британии у исследователей долгое время не было согласия относительно ее определения, предметной области и целей. Томас Кун в своей работе по истории науки «Структура научных революций» [5] очень метко заметил, что никогда не существовало чего-то, что могло бы быть названо «нормальной наукой» среди британских социологов в период с 1870-х по 1930-е гг., не было и общепринятых парадигм, на основе которых эта дисциплина могла развиваться, не было также каких-либо научных революций, которые переделывали бы интеллектуальный ландшафт и требовали поддержки и одобрения со стороны всех специалистов-практиков. Однако присутствовали постоянная и зачастую довольно напряженная конкуренция между исследовательскими проектами, споры относительно методологии сбора эмпирической информации, дискуссии по поводу интерпретации полученных данных. И сами споры по этим вопросам, широко представленные в публикациях британских авторов, могут считаться свидетельством богатой и сложной социологической культуры начального периода развития этой науки в стране.

В результате всего перечисленного, какую бы точку зрения мы ни приняли за исходную, напрашивается общий вывод: у представителей британской социологии в период ее оформления как науки было слишком много версий относительно предмета и парадигмальной сущности, что в свою очередь приводило к явно выраженной бессвязности концептуальных идей тех, кто все же предпринимал попытки развивать социологию в Великобритании. При этом неспособность установить четко определенную дисциплину под названием «социология» вплоть до середины XX в. в Британии была результатом не интеллектуальной слабости, а успешного проникновения того, что Райт Миллс назвал «социологическое воображение», во многие области британской мысли, национальной политики, журналистики, литературы, истории и публично-правовой практики. Не будем лукавить, утверждая, что мы переворачиваем современное видение британской национальной социологической традиции, пытаюсь убедить, что она развивалась

в авангарде мировой социологии. Разумеется это не так. Однако, на наш взгляд, нет оснований утверждать, что в туманном Альбионе социология начала развиваться только с середины XX в. Как выразился Джеффри Хауторн в своей работе по истории социологии «Просвещение и безысходность» [6], социология как таковая «отсутствовала» в Британии поздневикторианской эпохи и эпохи правления короля Эдварда, поскольку она «присутствовала везде» в возникавшем в те годы социал-демократическом общественном мнении, которое было основано на очень современном передовом знании о бедности, занятости и социальной структуре. Социология не была учреждена в одной форме и в одном дисциплинарном пространстве на интеллектуальном небосклоне — она была многогранной и вездесущей [6].

Литература

1. *Abrams, P.* The Origins of British Sociology, 1834—1914 / P. Abrams. — Chicago: University of Chicago Press, 1968.
2. *Anderson, P.* Components of the National Culture / P. Anderson // *New Left Review*. — 1968. — № 50.
3. *Albrow, M.* Sociology in the United Kingdom after the Second World War / M. Albrow, N. Genov (ed.) // *National Traditions in Sociology*. — London: Sage, 1989.
4. *Dahrendorf, R.* A History of the London School of Economics / R. Dahrendorf. — Oxford: Pergamon, 1995.
5. *Kuhn, T.* The Structure of Scientific Revolutions / T. Kuhn. — Chicago: University of Chicago Press, 1962.
6. *Hawthorn, G.* Enlightenment and Despair. A History of Sociology / G. Hawthorn. — Cambridge: Cambridge University Press, 1976.

Статья поступила
в редакцию 03.09. 2012 г.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР БГЭУ представляет

Основы предпринимательской деятельности: учеб. пособие / Н.П. Беляцкий [и др.] ; под ред. Н. П. Беляцкого. — Минск: БГЭУ, 2012. — 290 с.

Рассмотрено предпринимательство как интегрированный катализатор экономического роста. Изложены вопросы малого бизнеса, бизнес-лидерства, деловой карьеры, маркетинга, бухгалтерского учета и финансового анализа предпринимательской деятельности, а также кризис-менеджмента.

Для студентов неэкономических специальностей, молодых специалистов и сотрудников малого и среднего бизнеса.

□□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.
□□□□□□□□ □□□□□□□□□□□□ □□□□□□□□□□ □□□□□□□□. □□□□□□□□.